

A movie poster featuring a man and a young woman in a rural, possibly post-war setting. The man, Viktor Kellner, has a beard and is wearing a dark jacket over a turtleneck. The woman has freckles and is wearing a patterned headscarf and a dark coat. They are both looking directly at the camera with serious expressions. The background shows a forest of evergreen trees and a wooden building.

Виктор Келлер

Бывших
не Бывает

Виктор Келлер

Бывших не бывает

«Автор»

2026

Келлер В.

Бывших не бывает / В. Келлер — «Автор», 2026

«Бывших не бывает» — это остросюжетный психологический ретро-детектив с элементами социальной драмы и любовной линией. Обычная жизнь в таежном поселке течет размеренно, пока однажды в ней не появляется чужак. Слесарь Михаил Волгин давно бежит от своего прошлого, сменив удостоверение следователя на гаечный ключ. Но когда он случайно становится свидетелем преступной схемы, в которую втянута наивная девушка-диспетчер, его профессиональная хватка берет верх над желанием оставаться в тени. Он знает, чем заканчиваются такие истории. И он не может пройти мимо.

© Келлер В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Келлер

Бывших не бывает

Глава 1

1

— Ты мне тут план не срывай, Галя. Два ящика тушёнки спишешь, как пересортицу. Завтра же.

Святослав опёрся ладонью о прилавок и чуть подался вперёд. Галина комкала влажную тряпку, вода ею по шерботому кафелю, хотя пятно, которое она тёрла, давно исчезло.

— Слава, побойся Бога. Меня же за недостатчу...

— Тебя за недостатчу никто не тронет. Тронут, если план сорвёшь. А план — это я. Ты же понимаешь, кто тебе сгущенку импортную возит, кто тебя сахаром по сезону обеспечивает. Не районная база, Галя. Я обеспечиваю лично.

Она перестала тереть и подняла на него глаза, но тут же отвела взгляд — на витрину, где между банками горчицы и пыльной пирамидкой **оплавленных** сырков «Дружба» стояла табличка: «Обвес покупателей карается по закону».

— Два ящика — это шестнадцать банок, Слава. Куда я их дену?

— По бумагам. Бой, тара, крысы погрызли, просрочка. Мне без разницы. Завтра вечером заеду, и чтобы акт лежал готовый, с печатью. Мы же не первый день работаем.

Он взял с витрины горсть дешёвых ирисок «Золотой ключик», ссыпал в карман куртки и вышел.

У витрины с папиросами стоял Михаил. Он протягивал кассирше мятый рубль и не спешил. Пачка «Беломора» легла ему в ладонь, и он аккуратно расправил картонные уголки, будто целиком поглощённый этим занятием. Левое ухо ловило каждое слово, и каждое укладывалось в голову, как патроны в обойму. Интонация, сумма, срок, способ списания.

Святослав прошёл мимо, обдав запахом одеколона «Саша» — слишком густого для сельского магазина. Скользнул по Михаилу равнодушным взглядом. Грязная телогрейка, руки в машинном масле. Ничего интересного. И толкнул дверь плечом.

Михаил сунул папиросы в нагрудный карман. Пальцы чуть задержались на картоне, и он поймал себя на том, что прикидывает номер партии тушёнки, упомянутой экспедитором, и маршрут поставки. Старая привычка впивалась ногтями, как кошка в подоконник, и отодрать её стоило усилий.

Он сжал челюсть и двинулся к выходу. Не моё дело. Чужая жизнь, чужие махинации, чужой район. Он приехал сюда чинить моторы, а не людей.

Дверь сельмага надсадно скрипнула на ржавых петлях, впустив полосу морозного воздуха. На пороге стояла девушка в пуховом платке, повязанном крест-накрест поверх ватной куртки. Щёки горели от холода, и она притопывала валенками, стряхивая снег.

— Галина Петровна, мне бы полкило сушек и пачку чая, грузинского, если есть.

Голос у неё был звонкий, чистый, и Михаил невольно обернулся. Навстречу ей, с крыльца, шагнул Святослав. Он курил и, услышав голос, мгновенно раздавил окурок каблуком. Лицо переменилось, точно кто-то повернул переключатель. Жёсткая складка у рта разгладилась, глаза потеплели, плечи расправились.

— Любушка, ну что ж ты без шарфа? Мороз-то вон какой крутит.

Он легко сбежал со ступеней, взял её под локоть и заботливо поправил ворот куртки. Девушка засмеялась и легонько толкнула его в плечо.

— Да ну тебя, Слав, я же не из стекла.

— Для меня — из хрусталя. Пойдём, провожу до конторы. Мне как раз путёвку подбить надо.

Они ушли по утоптанной тропинке в сторону конторы леспромхоза. Святослав что-то тихо говорил, наклоняясь к её уху. Люба поднимала к нему лицо и кивала. Издалека это выглядело безупречно. Заботливый, уверенный мужчина ведёт свою девушку, придерживая на скользком.

Михаил смотрел им вслед, пока они не завернули за угол бревенчатого склада. Потом достал папиросу, размял пальцами, но прикуривать не стал. Сунул обратно в пачку и зашагал к гаражу.

2

Гараж леспромхоза стоял на отшибе, за котельной. Длинное приземистое здание из силикатного кирпича с просевшей крышей и железными воротами, покрытыми ржавчиной по нижнему краю. Внутри пахло соляркой и железной окалиной. Под потолком между перекрытиями висели связки промасленной ветоши, и зимний свет, пробиваясь сквозь мутные стёкла, ложился на бетонный пол блёклыми квадратами.

Михаил скинул телогрейку на спинку табурета и подошёл к верстаку, где дожидался разобранный карбюратор от «Трелёвочника». Детали лежали на расстеленной газете «Лесная промышленность»: корпус, диффузор, поплавковая камера с зеленоватым налётом. Руки привычно потянулись к гаечному ключу, и Михаил на секунду прикрыл глаза, вслушиваясь в тишину гаража.

Где-то за стеной ритмично стучал компрессор котельной, скрипел снег под чьими-то шагами, и эти простые звуки действовали на него как камертон — возвращали в ту жизнь, которую он себе выбрал. Никаких протоколов, никаких допросов, никаких бессонных ночей над чужими показаниями. Только металл, масло и честная, понятная работа руками.

Он проработал здесь без малого два сезона. Приехал по объявлению. Леспромхоз набирал слесарей-ремонтников, давал место в общежитии и приличную по местным меркам зарплату. Комната оказалась отдельной, с печкой, в деревянном бараке через дорогу от конторы. Соседи не лезли с расспросами. Директор ценил за золотые руки и не совался в трудовую книжку.

А трудовая у Михаила была свежая, тонкая и подозрительно пустая для мужика его комплекции. Но в посёлке Князево люди умели не задавать лишних вопросов. Кто приехал — тот приехал. Работает — и ладно.

Тяжёлая дверь гаража лязгнула, и в проёме возник Геннадий: грузный, кряжистый, в замасленном ватнике, с брезентовыми рукавицами, торчащими из кармана. Тракторист шёл тяжело, припадая на правую ногу — старая травма, которая ныла к непогоде.

— Миш, глянь мотор, а? Опять троит на холостых, зараза. С утра двадцать минут грел, пока завёлся.

— Поставь к воротам, после обеда посмотрю. Мне карбюратор на «Трелёвочник» надо дособирать.

Геннадий кивнул, но уходить не спешил. Стянул рукавицы, сел на перевёрнутый ящик у стены и вытер ладони о колени. Лицо у него было хмурое, с глубокими складками от носа к подбородку. И сегодня эти складки обозначились резче обычного.

— Слышь, Миш, ты вот человек новый, может, со стороны виднее. Тут такое дело. Любка, она мне... падчерица. С экспедитором этим крутит, со Святиком.

Михаил не обернулся, продолжая протирать диффузор ветошью.

— Ну, крутит. Девка взрослая.

— Взрослая-то взрослая, да только я мужиков за жизнь повидал. Миш, этот скользкий. Руки белые, ногти чистые, улыбка на пол-лица. Гладко стелет, городской. Да чует моё сердце — жёстко девке спать придётся.

Михаил положил ветошь на верстак и повернулся к трактористу. Тот сидел, сцепив пальцы, и смотрел на свои руки — тёмные, с въевшимся в трещины машинным маслом, с жёлтыми мозолями на ладонях. Руки человека, который долгие годы ворочал рычагами.

— Ты с ней говорил?

— А толку? Она же мне не родная. Я для неё мамин муж, не больше. Пока маленькая была — ничего, слушалась. А как подросла...

Он тяжело перевёл дыхание.

— Нина, мать её, тоже хороша. Ей лишь бы дочка замуж вышла. А за кого — вопрос десятый. Святник то с виду серьёзный, при должности, машина служебная. Что ещё надо? Вот и попробуй объясни бабам, что должность и совесть — вещи разные.

Михаил молча достал папиросу. На этот раз прикурил. Дым потянулся к потолку, повис в луче света.

— Ген, я в чужие семьи не лезу и тебе не советую поперёк дочери идти. Только хуже сделаешь. Сама разберётся.

— Разберётся, когда поздно будет.

Геннадий поднялся с ящика, натянул рукавицы.

— Ты, Миш, конечно, дело говоришь, но я спать не могу. Ворочаюсь до рассвета и думаю, что он от неё хочет. Она же диспетчер на весовой: печати ставит, накладные подписывает. А он экспедитор, лес возит. Понимаешь, к чему я?

Михаил понимал. Слишком хорошо понимал. Диспетчер, который штампует путёвки, и экспедитор, который грузит, — это два конца одной верёвки. Завяжи их узлом, и развязать сможет только ОБХСС.

— Понимаю, но сам подумай. Если ты сейчас пойдёшь к начальству или, не дай бог, к участковому — кому первому прилетит? Ей, не ему.

Геннадий замер в дверях.

— А что делать-то, Миш?

— Ждать. Смотреть. Не торопиться.

Тракторист ушёл, и снова стало тихо. Только компрессор за стеной да слабый гул ветра в щелях ворот. Михаил докурив папиросу до мундштука, затушил о край верстака и бросил в жестянку из-под солидола. Руки вернулись к карбюратору, пальцы привычно нащупали резьбу жиклёра, но голова работала отдельно, параллельными рельсами, по которым мысль катилась сама, без его разрешения.

Экспедитор давит на продавщицу, списывает тушёнку. Значит, торгует налево. Продавщица запугана, но подчиняется — значит, зависит от его поставок. Девушка-диспетчер штампует путёвки — значит, контролирует кубатуру и тоннаж на бумаге. Если подружиться с диспетчером, можно возить двойной объём и проводить по документам половину. Классическая схема, которую он раскрывал не раз и не два в прежней жизни.

Только вот прежней жизни у него больше не было. Была новая, тихая, с запахом солярки и стуком гаечных ключей. И лезть в эту историю — всё равно что совать руку в работающий двигатель.

Он собрал карбюратор, затянул последнюю гайку, подул во входное отверстие, проверяя ход заслонки, и остался доволен. Чистая, точная работа. Никаких двойных толкований.

За стеклом начинало темнеть. Зимний день в Князеве заканчивался рано. В четвёртом часу уже густели сумерки, и фонарь у конторы зажигался, разбрасывая жёлтый круг по утоп-

танному снегу. Михаил накинул телогрейку и подошёл к окну протереть стекло — из-за испарины ничего не разглядеть. Протёр и замер.

У конторы под фонарём стоял Святослав. Он придерживал Любу за плечо и что-то говорил, а второй рукой протягивал ей стопку бумаг. Листы белели в электрическом свете. Люба взяла их, положила на подоконник конторского крыльца и достала из кармана круглую печать на деревянной ручке.

Михаил перестал дышать.

Девушка не смотрела в бумаги. Она смотрела на Святослава снизу вверх с той безоговорочной щенячьей преданностью, которую не спрячешь и не подделаешь. Печать методично била по пустым бланкам, оставляя синие оттиски. Раз, два, три, четыре. Пять путевых листов.

Ни в один она не заглянула. А кузов грузовика, стоявшего тут же, у крыльца, был пуст. Борта подняты, но брезент не натянут, и сквозь щели между досками проглядывало голое днище с комьями засохшей грязи.

Пустой кузов и пять подписанных путёвок.

Михаил отступил от окна. Сердце стукнуло тяжело и гулко, отозвавшись в висках. Он прижал ладонь к холодному стеклу и медленно выдохнул, пока пальцы не оставили на испарине пять чётких отпечатков. Капкан был открыт, и девушка в пуховом платке уже стояла в нём обеими ногами.

Он опустил руку, вытер ладонь о штанину, вернулся к верстаку, сел на табурет и долго сидел неподвижно, глядя на разложенные инструменты. Рожковые ключи, плоскогубцы, отвёртки. Каждый на своём месте, каждый для своей задачи.

Не его дело. Не его посёлок.

Всё было не его. Он повторял это про себя, как заевшую пластинку, и при этом точно знал — пластинку уже не остановить. Потому что слишком хорошо помнил, чем заканчивается молчание, когда видишь, как человека ведут на край. Один раз он уже промолчал. Одного раза уже хватило на целую загубленную жизнь.

За окном Святослав поцеловал Любу в лоб, забрал путёвки и сел в грузовик. Мотор взревел, фары полоснули по сугробам, и машина, вильнув на обледенелой колее, ушла за ворота леспромхоза. Люба стояла на крыльце, прижимая к груди круглую печать, и провожала его взглядом, пока красные габаритные огни не растворились в ранних сумерках. Потом она зябко повела плечами, спрятала печать в карман и ушла внутрь конторы.

Михаил выключил свет в гараже, надел шапку, застегнул телогрейку, вышел на мороз и постоял, вдыхая сухой колючий воздух, пока не защипало в носу. По дороге домой он проходил мимо барака, где жил Геннадий с семьёй. В окне кухни горел свет, и за занавеской мелькала тень Нины — она накрывала на стол. Обычный вечер. Картошка, хлеб, чай. Может, Люба уже дома сидит и рассказывает матери, какой Святослав замечательный и какие у них планы. А может, показывает ей подаренные духи.

Михаил прибавил шаг. Снег скрипел под ногами, и каждый шаг отдавался в тишине, как короткий сухой щелчок.

Дома он растопил печь, поставил на плиту чайник и сел за стол, не снимая телогрейки — комната ещё не прогрелась. На столе лежала вчерашняя газета, надкусанный кусок чёрного хлеба на эмалированной тарелке и алюминиевая кружка с остатками вчерашнего чая, покрытого тонкой бурой плёнкой. Он отодвинул кружку, положил руки на стол и уставился в стену, обклеенную пожелтевшими обоями в мелкий цветочек. Обои кое-где отслоились, обнажив серую штукатурку, и в щели между рамой и подоконником тянуло холодом.

Не лезь. Не лезь. Не лезь.

Чайник засвистел. Михаил поднялся, залил кипятком жестяную заварку, и комнату медленно наполнил горький запах краснодарского чая, от которого першило в горле, но зато становилось теплее. Он пил чай мелкими глотками и думал о пустом кузове и пяти печатях. О

том, что девушка в пуховом платке понятия не имеет, во что её втягивают. О том, что Геннадий прав: у экспедитора бегающий взгляд и слишком чистые руки для человека, который ежедневно грузит лес. О том, что в сельмаге Галина перетирала одно и то же пятно на прилавке, а голос у неё дрожал, когда она просила не записывать на неё шестнадцать банок тушёнки.

И о том, что всё это его абсолютно не касается.

Он допил чай, сполоснул кружку, разделся и лёг на жёсткую пружинную кровать, укрывшись ватным одеялом. Матрас был тонкий, и пружины чувствовались сквозь ткань, но за два сезона тело привыкло и находило удобные ложбинки. Свет он не гасил. Голая лампочка под потолком покачивалась от сквозняка, и тени ходили по стенам.

Михаил лежал с открытыми глазами и слушал, как потрескивают дрова в печи, как гудит ветер в трубе, как где-то далеко, на другом конце посёлка, лает собака. Ритмично, глухо, без надежды на ответ.

Потом он всё-таки встал, подошёл к старому фанерному чемодану, который стоял на шкафу и служил полкой для зимней шапки, снял его, положил на кровать и долго смотрел на потёртые замки с медными защёлками. Открывать не стал — просто провёл пальцами по крышке, смахивая пыль.

На дне чемодана, под стопкой чистых рубашек и армейским ремнём, лежал блокнот в коричневом кожаном переплёте, маленький, на пружинке, с истёртыми углами и следом от канцелярской скрепки на обложке. Следовательский блокнот, в котором он когда-то записывал показания свидетелей, номера машин и схемы преступлений. Он не открывал его ни разу с тех пор, как приехал в Князево.

Михаил закрыл чемодан, поставил обратно на шкаф, положил сверху шапку, лёг, повернулся к стене и закрыл глаза. Но перед глазами стояла одна и та же картинка: печать на деревянной ручке поднимается и опускается. Поднимается и опускается, ставя синие оттиски на пустые бланки, пока пустой грузовик стоит рядом с поднятыми бортами и голым днищем кузова. Пять ударов, пять подписей, пять шагов к обрыву. И девушка, которая смотрит не на бумагу, а на мужчину, который её погубит.

Глава 2

1

— Мам, ну понюхай же. Это настоящие французские. Представляешь? Он говорит: в районном универмаге таких даже не бывает. Ему специально из области привезли.

Люба протянула матери маленький флакон тёмного стекла с золотистой этикеткой. Нина вытерла руки о передник, осторожно взяла пузырёк и поднесла к носу. Брови её поползли вверх.

— Хорошие. Дорогие, наверное.

— Мам, ну какая разница — дорогие, недорогие. Главное, что он обо мне думает. Другие мужики своим бабам что дарят? Платок да банку сгущёнки. А Слава — духи настоящие.

Геннадий сидел в торце стола, грузно навалившись локтями на клеёнку. Перед ним стояла алюминиевая миска с кашей, к которой он не притронулся. Ложка лежала рядом, и он медленно вращал её пальцами, как карандаш.

— А что он за человек-то, твой Слава? Откуда приехал? Кто родители? Где учился?

— Пап, ну опять ты начинаешь...

— Я не начинаю, я спрашиваю. Нормальный вопрос.

Люба поставила флакон на подоконник, рядом с горшком столетника, и скрестила руки на груди.

— Он из Калинина. Работал на автобазе, потом перевёлся сюда, в леспромхоз. Экспедитор. На хорошем счету у директора.

— На хорошем счету, — повторил Геннадий и крутанул ложку так, что она звякнула о край миски. — Экспедитор. Знаю я эту породу. Толкачи, снабженцы — они все на хорошем счету, пока ревизия не нагрянет.

Нина метнулась от плиты к столу, подхватила чайник и стала разливать кипяток по кружкам с таким остервенением, будто это могло потушить разгоравшийся огонь.

— Гена, хватит. Девка счастливая, парень ухаживает. Ну что тебе неймётся?

— А то неймётся, Нин, что я этих ухажёров повидал. Сегодня духи, завтра прописка городская, послезавтра — здравствуйте, гражданин следователь. Ты хоть раз видела, чтобы экспедитор на своей машине вечерами не в гараж ехал, а к девке на чай? Ему что, горючее казённое девать некуда?

Люба ударила ладонью по столу. Кружки подпрыгнули, чай плеснулся на клеёнку.

— Что вы все к нему прицепились? Сначала бабы у колодца, теперь ты. Он в город меня заберёт, а вы тут в своей зависти захлебнётесь.

Она развернулась и вышла, хлопнув дверью так, что из рамы посыпалась замазка. На кухне повисла звенящая тишина. Нина стояла с чайником в руке и смотрела на мужа.

— Доволен?

Геннадий не ответил. Придвинул миску, зачерпнул кашу, но до рта не донёс. Положил ложку обратно.

— Нин, я не со зла. Просто нехорошо мне от этого парня. Нутром чую, как перед грозой, когда давление падает и виски ломит. Нехорошо.

— А может, ты просто боишься, что она уедет и мы одни останемся? Ты об этом подумай.

Нина собрала пролитый чай тряпкой и ушла в комнату, тихо прикрыв за собой дверь. Геннадий посидел ещё минуту, потом натянул валенки и вышел на крыльцо. Мороз хватил за

щёки, и он закашлялся, хватая ледяной воздух ртом. Во дворе было тихо. Дым из трубы шёл вертикально — в предчувствии ещё большего холода.

2

На весовой в это утро топили сильно, и маленькая комната с фанерными стенами прогрелась так, что стёкла запотели. Люба сидела за столом, разложив журнал учёта и стопку путевых листов. Шариковая ручка лежала на раскрытой странице, и фиолетовые чернила оставили кляксу на линованной бумаге.

Дверь открылась без стука. Святослав вошёл, прижимая к груди термос и бумажный свёрток.

— Горяченького принёс. Чай с лимоном, между прочим. Лимон настоящий, не та кислятина порошковая.

Он разлил чай в две кружки, сел напротив и развернул свёрток. Внутри лежали два бутерброда с варёной колбасой, аккуратно нарезанной и уложенной ровными кругляшами.

— Любушка, у меня новости. Разговаривал вчера с одним человеком в районе. Есть вариант: если я здесь план перевыполню за квартал, то переведут на базу в город. А там — комната в общежитии. А потом и очередь на квартиру двинется.

Люба обхватила кружку ладонями и подняла глаза.

— Правда? Ты серьёзно?

— Серьёзнее некуда. Но план надо закрыть. Вот тут мне и нужна твоя помощь, Любушка.

Он достал из-за пазухи пачку бланков, развязал бечёвку и разложил на столе. Белые листы с типографскими шапками: наименование организации, дата, маршрут, объём.

— Тут накладные на следующую неделю. Я цифру уже проставил. Тебе только печать поставить и в журнал внести.

Люба потянулась к бумагам, но рука остановилась на полпути.

— Слав, тут же кубатура... погоди, семь кубов на рейс. У тебя ЗИЛ-130. Туда больше пяти не влезет, даже с горкой.

— Влезет, Любушка. Я борта нарастил специально, у столяра заказал. И потом, это же расчётная кубатура, не фактическая. Ну, знаешь, усушка, утруска, погрешность измерения... Все так делают.

— Все — это кто?

— Да все экспедиторы по области. Спроси любого. Это нормальная практика. Без этого ни одна база в стране не работает.

Люба медленно убрала руку. Бутерброд лежал нетронутый, чай остывал.

— Мне Михаил Сергеевич вчера... ну, слесарь из гаража... он что-то говорил про цифры, что кузов столько не вмещает.

Лицо Святослава дёрнулось — быстро, на долю секунды, как от пощёчины. Но он тут же улыбнулся и качнул головой.

— Слесарь, Любушка, он мотор от коробки передач-то с трудом отличает. Пусть свои карбюраторы чинит и не лезет в чужую бухгалтерию. Что он понимает в кубатуре?

— Ну, он вроде толково объяснял...

— Толково. Он толково может гайку закрутить, а в лесозаготовках разбирается, как баба в подшипниках. Любушка, ты мне веришь или слесарю?

Он протянул руку через стол и накрыл её ладонь.

— Тебе, конечно.

Люба опустила глаза на его пальцы. Тёплые, чистые, сухие, крепкая хватка.

— Ладно. Давай бланки.

Она взяла печать, и круглый деревянный штемпель привычно лёг в руку. Чернильная подушка стояла тут же, на краю стола, — синяя, с загнутыми уголками металлической крышки. Люба обмакнула печать и поставила первый оттиск. Второй. Третий. Листы ложились в ровную стопку.

Святослав допил чай, встал, чмокнул её в макушку и забрал бумаги.

— Умница моя. Вечером заеду, посидим у вас. Нине Петровне пирожков из столовой привезу.

— Привози. Только не с ливером. Она ливер не ест.

Он вышел, и Люба осталась одна. Провела пальцем по кляксе в журнале, размазав фиолетовое пятно в длинную полосу, посмотрела в окно. Во дворе леспромхоза стоял штабель круглого леса, и Святослав уже шёл к эстакаде, на ходу разговаривая с крановщиком. Тот кивал, слушая, и поглядывал по сторонам. Коротко, воровато — как дворовый пёс, который жуёт кость и боится, что отнимут.

3

Обеденный гудок прохрипел над посёлком в половине первого, и народ потянулся к рабочей столовой — длинному барaku с низким потолком и тремя рядами столов, покрытых клеёнчатыми скатертями. Пахло жареным луком и котлетами. Михаил стоял у входа, держа в руке алюминиевый поднос с тарелкой щей и стаканом компота.

Люба появилась через минуту. Она шла от весовой быстрым шагом, сунув руки в карманы куртки. Ветер трепал выбившуюся из-под платка прядь.

— Люба.

Она остановилась, но не повернулась.

— Ты мне не начальник, Михаил Сергеевич.

— Я не начальник. Я сосед по территории. Поговорить надо.

— Не о чем нам разговаривать.

Она наконец глянула на него и поджала губы.

— Если вы про вчерашнее, то я уже Славе сказала, что вы тут ерунду несёте. Он объяснил: нормальная это практика, все так работают.

Михаил поставил поднос на перила крыльца. Щи качнулись в тарелке.

— Ты на цифры смотри, а не на его улыбку. У него кузов физически столько не вместит. Семь кубов в ЗИЛ-130 не войдут, хоть борта до неба нарасти.

— А вы, значит, лучше него знаете, сколько в кузов влезет?

— Знаю. И ты бы знала, если бы считала, прежде чем печать ставить.

Лицо у неё дрогнуло, будто он ткнул пальцем в больное место.

— Знаете что, Михаил Сергеевич? Занимайтесь своими моторами и не лезьте в чужую жизнь. Мне Слава помогает, он меня в город забирает, а вы тут сидите в своём гараже и всем завидуете.

Она развернулась и скрылась за дверью столовой. Михаил подобрал поднос. Щи совсем остыли, на поверхности застыли жёлтые кружки жира. Есть не хотелось. Он отнёс поднос обратно, оставил на раздаче и вышел через чёрный ход.

4

На территории леспромхоза было пусто. Все ушли обедать. Михаил достал из пачки предпоследнюю папиросу и закурил, привалившись к стене склада. Отсюда хорошо просматривалась эстакада — деревянный помост, с которого загружали лес в кузова. Рядом стоял кран на гусеничном ходу, уткнувшийся стрелой в серое небо.

Он докуривал, когда из-за штабелей появился Святослав. Экспедитор шёл к своему грузовику, но у эстакады притормозил и оглянулся — быстрым, цепким взглядом проверяя территорию. Потом тихо свистнул. Из кабины крана высунулся крановщик Лёха, мелкий, вертлявый мужичок в засаленной ушанке. Святослав поднял два пальца. Лёха кивнул и нырнул обратно в кабину. Кран ожил, стрела пошла вниз, и стальные стропы обхватили связку кругляка, лежавшую отдельно от основного штабеля. Связка поднялась, качнулась и мягко опустилась в кузов грузовика, который стоял у дальних ворот, развернувшись носом к выезду.

Михаил прижался к стене. Отсюда он видел всё: и как Святослав расписался в блокноте крановщика, и как Лёха спрятал блокнот под сиденье, а не повесил на крюк у рычагов, где ему положено висеть по инструкции, и как экспедитор, забравшись в кабину грузовика, выехал не через главные ворота, а через задний проезд, где шлагбаум был поднят и никто не проверял.

Два пальца — два дополнительных кубометра сверх путёвки, каждый рейс.

Михаил бросил окурок в снег и растоптал каблуком. Вернулся в гараж, сел за верстак и долго смотрел на свои руки. Тёмные от вьевшегося масла, с трещинами на подушечках пальцев — руки слесаря. Не следователя.

Он потянулся к ящику с инструментами, достал коробок спичек и начал машинально считать спички, выкладывая их на газету ровным рядком. Десять, двадцать, тридцать... Математика успокаивала. Три рейса в день, два куба сверх нормы на каждый — шесть кубов левого леса ежедневно. За рабочую неделю — тридцать, за месяц — сто двадцать. Круглый лес, сосна, по государственной цене четырнадцать рублей за куб. Итого тысяча шестьсот восемьдесят рублей в месяц только на разнице в кубатуре. А если считать ещё и тушёнку через сельмаг, и договорённости с крановщиком — и наверняка не одного крановщика...

Спички кончились. Михаил смёл их обратно в коробок. Это была не мелкая шалость, не привычная советская «несуны» — горсть гвоздей в кармане, рулон рубероида через забор. Это была система. Отлаженная, защищённая, с круговой порукой и запасными выходами. И девушка-диспетчер с её круглой печатью на деревянной ручке была в этой системе самым слабым звеном — тем, которое рвётся первым и на которое вешают всех собак.

Он знал эту схему. Работал по таким делам в прошлой жизни. Знал, чем кончается. Экспедитор уезжает в другой район с чистыми документами, а диспетчер получает срок за хищение социалистической собственности в особо крупных размерах. Статья 93.1 — вплоть до высшей меры.

Михаил встал, подошёл к окну и протёр стекло рукавом. Территория жила. Обед кончился, и рабочие расходились по местам. У конторы директор разговаривал с бригадиром лесорубов, тыча пальцем в какую-то бумагу. Крановщик Лёха карабкался в свою кабину, дымя сигаретой. Из столовой вышла Люба и пошла к весовой, наклонив голову.

Обычный день в леспромхозе посёлка Князево. Лес валят, грузят, возят. Бумаги подписывают, печати ставят.

Михаил отвернулся от окна и взялся за тракторный мотор Геннадия. Работа требовала внимания: цилиндры были изношены, кольца залегли, и масло сочилось отовсюду, оставляя на бетоне тёмные пятна. Руки делали привычное, а голова продолжала считать, сопоставлять, выстраивать цепочки. Он злился на себя за это — за то, что не может выключить эту проклятую машину внутри. За то, что, увидев два поднятых пальца у эстакады, не сумел просто пожать плечами и уйти. За то, что лицо Любы, когда она огрызалась на него у столовой — обиженная, дерзкая, с блестящими от непролитых слёз глазами, — засело в памяти и не отпускало.

Ей бы в техникум поступить или на курсы бухгалтерские в район. А она тут сидит, штампует путёвки и верит, что парень с чистыми ногтями увезёт её в город и всё будет хорошо.

5

К четырём часам он закончил с мотором, вымыл руки керосином и собрался уходить. На улице уже темнело. Он накинул телогрейку, вышел и запер гараж на висячий замок. Ключ привычно лёг в карман, и тут он услышал шум. Не шум — рёв. Мощный, натужный гул дизеля, который перекрывал все звуки, и скрежет металла, и чей-то крик, заглушённый расстоянием. Со стороны дальних ворот леспромхоза.

Михаил перехватил шаг и двинулся было к воротам, но остановился. Ему туда не надо. Это не его ворота, не его лес и не его проблема. Но крик повторился — высокий, резкий, — и Михаил побежал.

У ворот стоял тягач, завалившийся правым бортом в канаву. Под колёсами хлюпала грязная каша из снега и глины. Рядом сустились двое рабочих, а третий сидел на обочине, держась за голень. Штанина на нём была порвана и набухла тёмным.

— Бревно покатилося, ногу придавило. Бинт! Несите бинт! — кричал бригадир, махая руками.

Михаил оценил обстановку мгновенно. Привычка, которую невозможно выдавить никакими двумя сезонами жизни в гараже. Перевязочный пакет в аптечке тягача, шина из подручного. Он нашёл ровную доску у забора, разорвал на полосы чью-то тряпку и в три минуты зафиксировал ногу.

— Санитарку вызывайте, быстро. У водителя в кабине рация должна быть. Перелом, похоже. И тягач уберите, он кренится, ещё опрокинется.

Бригадир уставился на него.

— Ты, Михаил, откуда? Так ты что, медик?

— Нет. Просто в армии учили.

Он не стал объяснять, что учили его не в армии, а на курсах оперативного состава, где полевая медицина входила в обязательную программу. Поднялся с колен, отряхнул снег и пошёл прочь, пока не начались вопросы. За спиной кто-то завёл мотор, хлопнула дверца, и леспромхозовская санитарка, дребезжа кузовом, покатила к дальним воротам. Михаил не оглядывался. Он шёл быстро, засунув руки в карманы, и чувствовал, как колотится сердце. Не от бега, а от того, что снова, в который раз, тело среагировало раньше головы. Руки сами нашли бинт, голос сам скомандовал, глаза сами оценили перелом, кровотечение, шок. Сколько ни прячься в гараже, следовательно из человека не вынимается, как масло из двигателя. Течёт и течёт. Хоть сто прокладок ставь.

Он дошёл до поворота на свою улицу и тут увидел то, что заставило его остановиться. На территорию леспромхоза со стороны районной дороги заворачивал автомобиль. Не грузовик, не трактор. Легковой «Москвич», осевший от пыли и грязи, с номерами областного управления. Машина прокатилась мимо проходной, не останавливаясь. Значит, ждали. Значит, шлакбаум подняли заранее. И затормозила у конторы.

Из «Москвича» вышел мужчина в тёмном пальто и каракулевой шапке пирожком. Под мышкой он держал пухлый кожаный портфель с двумя замками. Лицо сухое, бритое, с глубокими вертикальными морщинами на щеках. Он огляделся, поправил шарф и направился к входу в контору. За ним из той же машины вылез водитель в форменной фуражке, достал из багажника ещё один портфель — плоский, коричневый — и засеменил следом.

Михаил стоял у забора и смотрел. Каракулевая шапка, два портфеля, областные номера. Машину не остановили на проходной — ревизия.

Директор леспромхоза уже выбежал на крыльцо, застёгивая на ходу пиджак, и протягивал руку приехавшему. Тот пожал её коротко, без улыбки, и показал что-то из нагрудного кармана — корочки удостоверения.

У весовой горел свет. За запотевшим стеклом виднелся силуэт Любы, склонившейся над журналом. Она ещё ничего не знала.

Михаил постоял ещё полминуты, глядя на «Москвич» у конторы, на суетливую фигуру директора, на портфели, на каракулевую шапку. Потом отвернулся и медленно пошёл к своему бараку.

Мышеловка захлопнулась. Только мышь пока об этом не догадывалась.

Глава 3

1

— Журналы учёта за последние три месяца. Путевые листы все до единого. Накладные на отгрузку. Акты приёмки. Ведомости по горюче-смазочным. И ключ от сейфа. Будьте добры.

Инспектор Пётр Ильич говорил, не повышая голоса, и от этого спокойствия у Любы сводило скулы. Он стоял посреди конторы весовой, не сняв пальто и каракулевую шапку, и медленно оглядывал помещение: фанерные стены, календарь с трактором за прошлый год, самодельную полку с папками, заварочный чайник на подоконнике. Водитель, приехавший с ним, уже расставлял на столе директора два портфеля и доставал из них бланки, печати, копировальную бумагу.

— Мне нужно позвонить директору...

— Директор уведомлён. Мы с ним уже побеседовали. Журналы, пожалуйста.

Пётр Ильич снял перчатки, сложил их одну в другую и убрал в карман пальто. Достал из портфеля толстый блокнот в клеёночато́й обложке, раскрыл на чистой странице и выписал дату, время и место. Перьевая ручка двигалась уверенно. Буквы ложились мелко и аккуратно.

— Сначала опечатаем, — сказал он, доставая из второго портфеля палочку сургуча и спиртовку. — Шкафы, сейф, дверь. Потом будем смотреть, что внутри.

Он зажёл фитиль, поднёс сургуч к огню. Тёмно-красная масса начала оплывать, и по конторе разнёсся горьковатый тревожный запах. Бечёвка легла на дверцы шкафа, сургуч капнул на узел, и Пётр Ильич вдавил в мягкую массу латунный штемпель с гербом СССР. На красной лепёшке проступил чёткий рельеф: «Районная ревизионная комиссия».

Люба смотрела на эту печать и чувствовала, как внутри что-то обрывается и падает тяжело и медленно, как обломок штукатурки с потолка.

— Теперь вскрывайте. И давайте документы.

Люба открыла шкаф и начала снимать с полок папки. Руки не слушались. Пальцы соскальзывали с картонных корешков, и одна папка упала на пол, рассыпав листы. Она присела на корточки, собирая бумаги, и увидела собственные ноги в стоптанных войлочных ботинках. Левый был подшит суровой ниткой у подошвы — она чинила на прошлой неделе, и шов уже начал расходиться.

— Не торопитесь. Мы здесь надолго.

Пётр Ильич сел за стол директора, пододвинул лампу и раскрыл первую папку. Он работал молча, сосредоточенно, как хирург: листал накладные, сверял номера с журналом, делал пометки в блокноте. Иногда брал путевой лист, подносил к свету и рассматривал печать, наклоня бумагу под разным углом. Потом откладывал в отдельную стопку и продолжал.

Через полтора часа на столе выросли три стопки: проверенные, сомнительные и отдельно, под канцелярской скрепкой, те, где кубатура не сходилась с маркой машины.

Люба сидела на стуле у стены и смотрела, как её документы перекладывают чужие руки. Во рту пересохло. Она хотела налить воды из графина, но графин стоял на столе директора, за которым теперь сидел инспектор. И подойти означало пройти мимо всех этих стопок, каждая из которых была приговором.

Пётр Ильич поднял голову. Посмотрел на неё долгим, ничего не выражающим взглядом и задал вопрос, которого она не ждала:

— У вас есть отдельный реестр по топливу? Кто расписывается за получение ГСМ?

Он знал, что ГСМ — не её участок. Знал с первой минуты, едва взглянул на должностную инструкцию, лежавшую под стеклом на столе. Вопрос был проверочный: если девушка начнёт путаться в чужой зоне ответственности или, наоборот, уверенно ответит за смежный участок — значит, её использовали шире, чем положено. Либо она врёт. Либо покрывает. Либо дура.

Люба ответила ровно:

— Экспедиторы расписываются и водители.

— А контролируете вы?

— Я нет. Я только кубатуру по путёвкам.

Пётр Ильич кивнул и ничего не записал в блокнот. Значит, ответ его устроил. Он снял шапку, положил на подоконник и вернулся к бумагам.

2

Она выбежала из конторы, не накинув куртку. Мороз обжёг горло, и она закашлялась, но не остановилась. Пересекла двор, обогнула штабель и увидела Святослава у склада. Он стоял, привалившись к воротам, и тихо переговаривался с незнакомым мужчиной в куртке, которого она раньше здесь не видела.

— Слава!

Он поднял глаза. Лицо у него было сосредоточенное, спокойное. И когда он увидел Любу, бегущую к нему без куртки, он даже не двинулся навстречу.

— Слава, там ревизор из района. Он забирает все журналы, все путёвки, печатывает шкафы. Слава, что делать?

Святослав убрал рацию в карман и посмотрел куда-то мимо неё, поверх её головы, на крышу склада, где ветер шевелил оторванный лист жести. Он знал, что чистовые бланки подписаны, а черновики уничтожены. Знал, что в конторе не осталось ни одной бумаги с его почерком. И от этого знания по лицу разливалось спокойствие — не наигранное, а самое настоящее, глубокое, как вода в колодце.

— Любушка, ты не волнуйся. Ревизии — дело обычное, раз в квартал бывает. Ничего страшного.

— Ничего страшного? Он накладные откладывает. Те, где кубатура...

— Слав, он вопросы задаёт. Я не знаю, что отвечать.

— Отвечай как есть. Ты диспетчер, ставила печати, подписывала то, что тебе приносили. Всё по инструкции. Ни в чём ты не виновата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.